

№ 53.

1906.

М А Й.

БОЖІА НИВА

се изыде съмай да съветъ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕБРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЬ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

ТРОИЦКІЙ СОБЕЗПАННИКЪ ДАА ПРАВОСЛАВНОЙ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

“БОЖІА НИВА” въ 1906 году

съ Божіей помощію продолжается по той же программѣ и на тѣхъ же основа-
ніяхъ, какъ и въ прошедшемъ году.

По принятому порядку и въ настоящемъ 1906 году мы дадимъ 12 №№
БОЖІЕЙ НИВЫ и 12 книжекъ **ЗЕРНЫШЕКЪ** для дѣтскаго чтенія, изъ
коихъ каждая представляетъ какъ-бы маленькій назидательный сбор-
никъ. Цѣна журнала съ приложеніями остается прежнею 1 рубль
въ годъ съ пересылкою. **Наложнымъ платежемъ журналъ не высылается.**
Подписка въ текущемъ году продолжается. Новые подписчики
получать всѣ вышедшіе номера, начиная съ 49-го, за 1 р. Первый,
второй, третій и четвертый томъ **БОЖІЕЙ НИВЫ** (1—12—1902 г.; 13—

24—1903 г.; 25—36—1904 г.; 37—48—1905 г.) можно получать безъ переплета за 1 р. 10 к. каждый, въ папкѣ по 1 р. 25 к., а въ коленкоровомъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. **ЗЕРНЫШКИ** можно получить по 5 к. книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылаются 20 книжекъ. Съ прошлаго года въ редакціи имѣются годовые томики **ЗЕРНЫШЕКЪ** въ коленкоровыхъ переплетахъ съ общимъ счетомъ страницъ, которыя можно приобрѣтать по 80 к. безъ пересылки и по 1 р. съ пересылкою.

Подписка на журналъ принимается *только* въ Редакціи.

Желающіе подписываться чрезъ книжные магазины должны предупреждать о доставкѣ въ Редакцію полной подписной стоимости журнала (1 р.).

Подписка на полгода и на отдѣльные мѣсяцы не принимается.

Журналъ „БОЖІЯ НИВА“ одобренъ Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для выписки въ бібліотеки церковныхъ школъ.

Епархіальные училищные совѣты могутъ вносить „БОЖІЮ НИВУ“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго, при Св. Синодѣ, Совѣта за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

Редакторъ Епископъ НІКОНЪ.

БѢЗЪ КРЫЛЬЕВЪ.

Отчего, повидимому, ты такъ безобразна, наша святая, великая Русь? Отчего все, что ни посѣнешъ въ тебѣ добраго, всходитъ негодной травой, вырастаетъ бурьяномъ да репейникомъ, отчего въ тебѣ, какъ лицо красавицы въ кривомъ зеркалѣ, всякая несомнѣнная, прекрасная истина отражается кривымъ, косымъ, неслыханно-уродливымъ дивомъ? Тебя ли не наряжали, не румянили, не бѣлили? За тобой ли не было ухода и призору? Тысяча прислужниковъ холить тебя и денно и ночно, выписаны изъ за моря дорогіе учителя; есть у тебя и нѣмцы—дядьки, и французы—гувернеры,—а всетаки не въ прокъ идетъ тебѣ ученье и смотришь ты неряхой, грязнымъ неучемъ, вся въ заплаткахъ и пятнахъ, и, какъ дурень въ сказкѣ, ни шагу ступить, ни слова молвить кстати не умѣешь!..

— Оттого я такъ безобразна, отвѣча-

етъ святая Русь, что набѣлили вы, на-
румянили мою красу самородную, что
связали вы по рукамъ и по ногамъ
мою волю—волюшку, что стянули вы
могучи плечи въ нѣмецкій тѣсный
кафтанъ! И связали и стянули да и
нудите: ходить по полгода не по-
паханному, работать сохой неприлажен-
ной, похмѣляться въ чужомъ пиру,
жить чужимъ умомъ, чужимъ обыча-
емъ, чужой вѣрой, чужой совѣстью!
О, не хольте меня, вы отцы, вы благо-
дѣтели! Не лелѣйте меня, вы незван-
ные и непрошенные вы дозорщики,
вы надсмотрщики, попечители, строи-
тели да учителя! Мнѣ не вмочь тер-
пѣть вашу выправку! Меня давить,
томить вашъ тѣсный кафтанъ, меня
душатъ ваши путы чужеземныя! Какъ
не откормить коня сухопараго, не утѣ-
шить дитя безъ матери, такъ не быть
мнѣ пригожею на заморскій ладъ, не
щеголять мнѣ красую нѣмецкою, не

заслужить у Бога милости не своей душой! "...¹⁾

Сколько жизненной, обличающей правды въ этихъ строкахъ любви къ нашей бѣдной, но всё еще такъ дорогой родинѣ!

„Связали, стянули по рукамъ и по ногамъ“ нашу родину и нудятъ ее „жить чужимъ умомъ, чужой вѣрой, чужой совѣстью“, жить да еще приговаривать: я свободная, я счастливая... А до счастья-ли до свободы-ли ей, когда инстинктивно чувствуютъ всѣ русскіе люди, что безъ Бога живого въ душѣ, при „свободѣ“ отъ родной православной вѣры, при „свободѣ“, которую такъ радостно воспѣваютъ ненавистники нашей родины, прикрывшіеся личиною доброжелательства, не можетъ быть пощады человѣческой личности даже и подъ гордымъ флагомъ всякихъ „свободъ“. Не вѣрить въ эти свободы, а увѣровавши на мгновение, не цѣнить ихъ нашъ Русскій народъ, понявшій по недолгому, но дорого стоившему опыту, что эти „свободы“ прикрываютъ въ низкихъ душахъ одни лишь жадные личные аппетиты, затаенные коварные планы, пошлыя страсти... Достаточно, для поясненія сказаннаго, указать на продѣлки одного изъ передовыхъ борцовъ „за свободу“—извѣстнаго босяцкаго барда М. Горькаго. Этотъ босяцкій бардъ, рисовавшій не разъ въ своихъ произведеніяхъ картины порока и разврата, картины игры низкихъ страстей, образы разныхъ потерявшихся босячекъ и босяковъ, людей самаго глубокаго дна общественной жизни—этотъ бардъ, заставлявшій, иногда, грустить за этихъ обездоленныхъ людей, выступивъ въ качествѣ борца „за свободу“, самъ сталъ олицетвореніемъ низменныхъ страстей, самъ

заставилъ отплевываться отъ себя даже нѣкоторыхъ своихъ почитателей, думавшихъ видѣть въ немъ честную, чистую безкорыстную „жертву борьбы роковой“... И однако эта жертва вдругъ показала себя богомъ-молохомъ, который самъ нуждается въ жертвахъ... Не признавая ни узъ, ни святости брака, онъ во имя свободы забылъ о своемъ нравственномъ обязательствѣ предъ законной женой и дѣтьми и замѣнилъ свою „супругу“ „подругой“ Андреевой... Мало того, къ этому низкому разврату онъ присоединилъ еще и обманъ: пріѣхалъ въ Америку и готовъ былъ выдать „подругу“ за свою „супругу“, чтобы съ ней потомъ воспѣть гимнъ „странѣ свободы“... Но обманъ былъ открытъ... Страна свободы, готовившаяся, было, торжественно встрѣтить „борца“ за свободу, съ безразличнымъ чувствомъ отвернулась отъ того, кто подъ прикрытіемъ свободы захотѣлъ сдѣлать злоупотребленіе изъ свободнаго слова, обративъ его на службу лжи и обману, кто съ головы „а ля мужикъ“, а по своей сладострастной натурѣ... Сравненіе не трудно найти здѣсь конечно даже изъ царства животныхъ и пернатыхъ... И это первѣйшій и главнѣйшій провозвѣстникъ свободы — человѣкъ безспорнаго таланта...

Удивительно-ли послѣ этого, что нашъ народъ среди общаго переполоха, то насильственно увлекаемый всякими обѣщаніями въ высоту поднебесную, то опять ниспадающій оттуда, тяжело груститъ за свою родину и видитъ, что нѣтъ у него надежныхъ крыльевъ, что они подрѣзаны, что поднимаютъ его отъ родной земли орлы-хищники, поднимаютъ для того, чтобы сбросить внизъ съ высоты и разбить его...

И великая задача предстоитъ теперь семьѣ и школѣ—задача сберечь на-

¹⁾ Аксаковъ.

родъ отъ разочарованія, отъ ненужныхъ жертвъ, показать—разъ навязчиво звѣнить въ ушахъ слово „свобода“—что такое эта свобода, чѣмъ предваряется, и съ чѣмъ нераздѣльна она...

А никакая правовая обстановка, при отсутствіи въ душѣ народной живыхъ и дѣйственныхъ чувствъ нравственно-религіознаго настроенія, не создастъ свободы. Только истина можетъ сдѣлать насъ свободными. Формальная свобода безъ идеальной—это мечта, призракъ, далекій отъ всякой дѣйствительности. Не свобода прежде любви, прежде истины, прежде правды Божіей, а любовь, истина, правда Божія должны предварять свободу... „Будьте свободны — и познаете истину“—это обманъ челоуѣчества. Познайте истину—любовь—и будете свободными—это истинна Богочелоуѣческая ¹⁾.

И только когда наши партіи — всѣ до единой—проникнутся идеей о живомъ Богѣ, прислушаются къ голосу хрістіанской совѣсти, вспомнятъ о завѣтахъ Хріста и его святой Церкви—только когда они поставятъ на своихъ знаменахъ рядомъ съ словомъ „свобода“ и слово „любовь“—только тогда они перестанутъ бороться огнемъ и мечемъ, словомъ презрѣнія и дикой озвѣрѣлой злобы. А для этого всякому челоуѣку и всякой партіи нужно не бѣжать отъ слова Евангелія и живой Церкви Хрістовой, а живо впитывать его въ свое сердце, переводить въ настроеніе, воплощать въ дѣлахъ. Только на прочномъ фундаментѣ истинной нравственности,—а истинная нравственность не можетъ быть безрелигіозной,—только на такомъ фундаментѣ

возможенъ и крѣпкій правовой строй. Безъ истинной же вѣры въ живого и великаго Бога, безъ чуткой хрістіанской совѣсти, безъ Евангельской любви къ людямъ,—съ душой холодной и опустошенной,—намъ долго и долго не дожидаться истиннаго улучшенія общественной и государственной жизни, намъ долго придется чувствовать себя въ положеніи безкрылыхъ птенцовъ, которыхъ можетъ сгубить всякій недругъ. Челоуѣкъ-звѣрь, челоуѣкъ-хищникъ, грубый эгоистъ и самолюбецъ, самодуръ и деспотъ, не знающій Бога, не признающій души и совѣсти, и въ правовой сферѣ покажетъ свои острые когти, свои мерзкіе инстинкты. Великое понятіе свободы явится для него лишь фиговымъ листкомъ, скрывающимъ жалкое убожество пустой и черствой души.

Вотъ почему наши русскіе люди и особенно подростокующее поколѣніе, вступающіе въ какую-то новую, пока непонятную, полосу государственной жизни—„правовой и свободной“—должны теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, прислушиваться къ голосу своей матери Церкви и ея великихъ безсмертныхъ ученій — о любви, братствѣ и мирѣ, должны болѣе, чѣмъ когда-либо, внимать своей хрістіанской совѣсти...

И горе намъ, горе родителямъ и воспитателямъ дѣтей, если изъ души людской и изъ сердець „малыхъ сихъ“ вытравится искра Божія, погасится огонь хрістіанской любви, замолкнетъ совѣсть, забудутся вѣчные завѣты страдальца—Хріста ¹⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Д. Введенскій.

¹⁾ Мережковскій. Вопр. Жизни. 1905. Окт.—Ноябрь.

¹⁾ Развитие этой мысли можно читать во многихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. См., напримѣръ, Енисейск. Епарх. Вѣд. 1906 г. № 2.

ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННАГО ПРИХОДА ВЪ ШКОЛЬН. ДѢЛѢ.

Въ № 48 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1905-й годъ напечатано знаменательное „Опредѣленіе Святѣйшаго Синода“. Оно касается устроенія приходской жизни.

„Въ Церкви Божіей первое общеніе хрістіанъ, за предѣлами семейнаго союза, бываетъ вокругъ храма и около пастыря церковнаго. И это основное церковное единеніе людское—приходъ церковный—во всѣ времена прошлой жизни Церкви Православной и Государства Россійскаго имѣлъ важнѣйшее значеніе. И нынѣ благочестивые люди въ братствахъ и церковно-приходскихъ попечительствахъ находятъ осуществленіе такого общенія, объединяясь для взаимопомощи въ дѣлахъ благотворенія, вѣры и благочестія и являя крѣпкій духовный оплотъ противъ внѣшнихъ, чуждыхъ вѣрѣ и истинной хрістіанской свободѣ, теченій“....

Дальше „Опредѣленіе“ намѣчаетъ простѣйшую организацію прихода въ слѣдующихъ чертахъ.

„...Съ цѣлью тѣснѣйшаго объединенія прихожанъ съ пастыремъ и между собою и для сужденія о способахъ удовлетворенія нуждъ прихода въ религіозно-нравственномъ, *просвѣтительномъ* и благотворительномъ отношеніяхъ, для возбужденія въ прихожанахъ усердія къ храмамъ Божіимъ, къ дѣламъ и вопросамъ вѣры и для содѣйствія духовенству къ успѣшному исполненію лежащихъ на немъ пастырскихъ обязанностей,—созывать общія церковно-приходскія собранія изъ достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія преданныхъ Церкви прихожанъ всѣхъ сословій и званій. Изъ состава сего собранія и по его избра-

нію учреждать для ближайшаго осуществленія задачъ приходской жизни постоянно дѣйствующій церковно-приходскій совѣтъ, подъ руководствомъ и предсѣдательствомъ настоятеля приходской церкви, причемъ число членовъ совѣта отъ мірянъ не должно бы превышать 12 лицъ“.

Дальше идетъ рѣчь о пастырскихъ собраніяхъ въ предѣлахъ благочиній, уѣздовъ и епархій. А въ скоромъ времени послѣ изданія цитированнаго „Опредѣленія“ окончательно былъ рѣшенъ созывъ Всероссійскаго Помѣстнаго Собора въ 1906-мъ году.

Такимъ образомъ, въ Русской Церкви возстановляется забытое соборное начало. Собраніе пастырей Русской Церкви, собраніе пастырей епархій, уѣздовъ и благочиній и, наконецъ, собранія православныхъ хрістіанъ, членовъ прихода,—несомнѣнно вызовутъ къ жизни дремлющія церковныя силы. И давно пора. Въ соборномъ началѣ древне-хрістіанской Церкви, въ единеніи древнихъ хрістіанъ—одна изъ причинъ разцвѣта Хрістовой Церкви за первое тысячелѣтіе ея бытія. „Въ единеніи—сила“. Эта истина признана теперь всѣми. На этомъ правилѣ зиждется успѣхъ политическихъ партій и всевозможныхъ союзовъ. А какой союзъ важнѣе Хрістова союза, Святой Церкви? Если теперь Церковь Хрістова имѣетъ меньше значенія, чѣмъ слѣдовало бы, въ дѣлахъ людей и народовъ, то не въ разъединеніи ли Церкви одна изъ главныхъ причинъ этого? Церковь Восточная живетъ особую жизнью отъ Церкви Западной. Единая великая рѣка пошла по двумъ русламъ; отъ cadaго церковнаго русла пошли побочныя, меньшія русла:

у насъ — старообрядцы, на Западъ — протестанты, англикане, реформаты и десятки сектъ.

Для блага Церкви необходимо прежде всего объединеніе хрістіанъ. И это объединеніе должно начаться съ каждой отдѣльной помѣстной Церкви.

Знаменательные начатки церковно-религіознаго единенія въ нашей Російской Церкви мы и видимъ въ „Опредѣленіи Святѣйшаго Синода“ о возрожденіи прихода.

Теперь обратимъ особое вниманіе на подчеркнутое нами слово: „въ *просвѣтительномъ* отношеніи“.

Рѣчь идетъ о духовномъ просвѣщеніи прихожанъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Къ просвѣщенію относятся: церковная проповѣдь, внѣбогослужебныя собесѣдованія, народныя чтенія и проч. Главное же значеніе въ просвѣщеніи прихода имѣетъ, конечно, школа, особенно школа церковная.

Церковно-приходскіе совѣты и собранія на первыхъ же порахъ своей дѣятельности должны поставить на очередь вопросъ о хрістіанскомъ воспитаніи дѣтей. Желая быть жизненными, собранія и совѣты должны взять подъ свой контроль все приходское школьное дѣло.

Какое же значеніе можетъ имѣть въ школьномъ дѣлѣ предполагаемая организація прихода?

Одинъ Богъ знаетъ, насколько энергична будетъ религіозно-общественная жизнь въ возрожденномъ приходѣ. Будемъ надѣяться, что приходская организація окажется благотворной въ судьбахъ церковной школы. Усиленіе религіозности въ жизни прихожанъ должно повлечь за собою углубленіе и расширеніе хрістіанскаго воспитанія дѣтей, а стало быть и органа его — церковныхъ школъ. Было бы грубымъ противорѣчіемъ — подъемъ религіозна-

го духа въ жизни и ослабленіе этого духа въ школахъ. Мы желаемъ, чтобы это было такъ, а что будетъ — не знаемъ.

Какое значеніе можетъ имѣть возрожденный приходъ для народнаго учителя?

Въ настоящее время рѣдкій учитель близокъ къ народу. У него свои интересы, свои идеалы. Онъ имѣетъ дѣло только съ крестьянскими дѣтьми. Нѣтъ прочной связи съ населеніемъ, отсюда — слабое вліяніе учителей на взрослыхъ, отсюда — постоянныя переходы учителей изъ села въ село, изъ школы въ школу.

Въ организованномъ приходѣ учитель будетъ ближайшимъ помощникомъ священника, будучи человекомъ образованнымъ. Какъ значительный членъ собранія и совѣта, учитель явится представителемъ и защитникомъ школы. Чтобы поставить школу на должную высоту, онъ прежде всего постарается заинтересовать крестьянъ школьнымъ дѣломъ. При случаѣ, онъ познакомитъ ихъ съ программой школы, съ ея задачами и идеалами, вообще съ постановкой школьнаго дѣла. Но однихъ рѣчей мало. Два-три наиболѣе просвѣщенныхъ, „умственныхъ“ члена совѣта изъ крестьянъ могли бы составить „школьную комиссію“. Хорошо грамотные, читающіе книги, молодые крестьяне легко могутъ заинтересоваться школьнымъ дѣломъ. Эта комиссія, бесѣдуя съ учителемъ и время отъ времени присутствуя на урокахъ, понемногу будетъ знакомиться съ обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей, съ программой, съ характеромъ и направленіемъ школы. Безкорыстно и честно служа „міру“, комиссія будетъ лучшимъ ревизоромъ школы и лучшимъ посредникомъ между дѣятелями школы и приходомъ. При та-

кихъ условіяхъ, крестьяне черезъ своихъ представителей могутъ контролировать школы и знакомиться съ дѣйствительными матеріальными нуждами учителя и школы. Комиссія могла бы быть „очами и ушами“ крестьянскаго общества.

Кромѣ собственно школьнаго дѣла, учитель можетъ ставить на очередь собранію и совѣту вопросы просвѣщенія взрослыхъ, вопросы санитарные, вопросы о библіотекѣ для взрослыхъ, о ремесленныхъ классахъ, о сельскомъ хозяйствѣ при школѣ,—все это учитель можетъ предложить вниманію прихожанъ.

Такимъ образомъ, учитель можетъ выйти изъ узкихъ рамокъ школьнаго учителя и стать общественнымъ приходскимъ дѣятелемъ. Сблизившись съ прихожанами, учитель уже не будетъ такъ часто переходить съ мѣста на мѣсто, какъ теперь: ему тяжело будетъ порывать прочныя связи съ населеніемъ. Да и прихожане, близко познакомившись съ учителемъ, оцѣнятъ по заслугамъ его дѣятельность, и, если онъ придется имъ по сердцу, они захотятъ и сумѣютъ удержать его у себя. Проработавъ же много лѣтъ въ одномъ и томъ же приходѣ, учитель пріобрѣтаетъ еще больше значенія: членами церковно-приходскаго собранія и совѣта отчасти будутъ его ученики, которые больше другихъ будутъ понимать своего учителя и помогать ему въ его добрыхъ начинаніяхъ.

Не мало пользы можетъ принести организація прихода и для самого школьнаго дѣла. Теперь народная школа контролируется инспекціей. Но контроль этотъ по необходимости мимо-летный, поверхностный да и не всег-

да полезный для дѣтей. Инспекторъ и учитель могутъ быть прекрасными людьми, опытными педагогами, но чуждыми народному духу, народнымъ идеаламъ. Міровоззрѣніе ихъ часто противорѣчитъ міровоззрѣнію народа. Нашъ народъ искренне-религіозенъ, но во многихъ народныхъ школахъ во главу угла положены—наука и литература. Учитель нерѣдко съ презрѣніемъ смотритъ на крестьянъ, считая ихъ суевѣрными и чуть ли не полудикими. Идеаломъ для народа онъ считаетъ интеллигенцію съ ея обожаніемъ разума и свободы. Своимъ призваніемъ такой учитель считаетъ просвѣщеніе народа исключительно свѣтомъ науки и искусства. Конечно такой учитель и народъ не понимаютъ другъ друга.

Нашъ споръ съ земцами объ истинно-народной школѣ можетъ быть правильно разрѣшенъ только самимъ народомъ, удобнѣе всего организованнымъ приходомъ. Пусть народъ самъ выбираетъ для себя типъ школы. Пусть даже каждый приходъ рѣшаетъ отдѣльно, какая ему нужна школа: свѣтская или церковная? Если у прихода есть желаніе видѣть въ своей школѣ преподаваніе ремесла и сельскаго хозяйства, то онъ сумѣетъ найти и средства для этого.

Какъ бы то ни было, но мы ожидаемъ, что возрожденіе прихода, при честномъ искреннемъ отношеніи пастыря, при достойныхъ членахъ приходской общины, благотворно повліяетъ на судьбу народной школы и народнаго учителя.

Священникъ *Н. Виноградовъ.*

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Изъ недавняго прошлаго.

(Воспомяніа учителя церковно-приходской школы).

Первые дни школьнаго учительства.

Это было 5 сентября; я проснулся рано, на дворѣ висѣло сѣрое утро; пожелтѣлые тополя роняли крупныя капли дождя, точно оплакивая свое лѣтнее убранство. Въ кухнѣ уже толпилось мальчиковъ десять, большинство изъ нихъ одѣты были опрятно, по праздничному. Я подошелъ къ нимъ, стараясь завязать съ ними первый разговоръ поживѣе и поинтереснѣе для нихъ; но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ моя находчивость ограничилась вопросами: какъ звать, сколько времени учишься, охотно ли пришли въ школу?—и т. д.. Не смотря на эту нѣкоторую казенность встрѣчи, меня такъ тянуло къ дѣтямъ, такъ милы они мнѣ казались... Хотѣлось приголубить, приласкать ихъ; ласковый тонъ мой однако не ускользнулъ отъ дѣтскаго вниманія. „Ну, съ перваго раза заслужилъ имъ“, замѣтилъ мнѣ отецъ, наблюдавшій нашу встрѣчу: дѣйствительно, дѣти оживленнѣе смотрѣли на меня послѣ ласки моей. Это маленькое обстоятельство шепнуло мнѣ, что въ добромъ сердечномъ отношеніи къ дѣтямъ таится пружинка нравственнаго вліянія на нихъ, и чѣмъ внимательнѣе, потомъ, прислушивался я къ этому шепоту, тѣмъ лучше шло дѣло и тѣмъ легче чувствовалось на душѣ среди школьнаго труда. Между тѣмъ заблагоувѣстили къ обѣднѣ. Школа наполнилась дѣтями; ихъ собралось до 60 ч., но среди нихъ замѣчался поразительно ничтожный процентъ дѣвочекъ—всего 4. Впрочемъ, это явленіе

наблюдается во всѣхъ почти сельскихъ школахъ... Такое грустное обстоятельство объясняется главнымъ образомъ отсутствіемъ въ родителяхъ сознанія необходимости обученія дѣвочекъ; на грамотность большинство изъ нихъ смотритъ какъ на чисто практическое средство къ приобрѣтенію лучшаго куса хлѣба, а потому, охотно обучая сыновей, готовя ихъ въ люди, совершенно равнодушно относятся къ обученію дѣвочекъ, которымъ де въ люди не идти. Думается мнѣ, что непремѣнный, ближайшій долгъ пастырей Церкви, а частію и народныхъ учителей, вездѣ и всячески прояснять народу живымъ убѣдительнымъ словомъ то, какъ существенно необходимо и дѣвочкамъ просвѣщеніе въ церковномъ духѣ.

Собравшихся дѣтей я выстроилъ въ пары и длинною вереницею повелъ въ храмъ. Учившіеся ранѣе выступали привычно, бодро, а новички видимо дичились меня, озирались на матерей, спотыкались, а двое, крѣпко сдѣпившись рученками, къ общему удовольствію остальныхъ, попали въ придорожную лужу. Храмъ былъ весьма обширный и довольно благолѣпный, но на этотъ разъ пустой—только—2—3 женщины пріютились у стѣны... Вотъ, думалось мнѣ, гдѣ можно будетъ получать среди труда помощь и воодушевленіе... Молитва искренняя—необходимый спутникъ успѣшнаго дѣла... Въдь въ семинаріи, бывало, во время экзаменовъ мы становились почти всѣ какъ то религіознѣе, а здѣсь нужно молиться не за личное только дѣло, а за общій успѣхъ, нужно вдохнуть

молитвенную струю въ этихъ дѣтокъ, расположить ихъ ходить сюда не по приказу, а по влеченію ихъ сердца... Но все это пока теорія, тутъ же ловилъ я себя: какъ Богъ поможетъ мнѣ осуществить благія намѣренія на дѣлѣ?... Нѣкоторыя дѣти, хотя и не стройно, но подпѣвали псаломщику, и какъ я глубоко пожалѣлъ, да и не одинъ разъ потомъ въ теченіи своего учительства жалѣлъ, что не могу руководить дѣтскимъ пѣніемъ. На первыхъ же шагахъ, а уже такой большой пробѣлъ,—сколько еще огорченій ожидать меня въ будущемъ по случаю неподготовленности къ дѣлу?... По окончаніи молебна, мы возвратились въ школу. Десятка съ три родителей учениковъ толпились тутъ же, очевидно любопытствуя послушать начало занятій новаго учителя. Очень отрадное явленіе, когда родители интересуются школой, заглядываютъ въ нее—и оцѣнить и понять они ее тогда могутъ гораздо лучше. Я это сознавалъ, а потому въ глазахъ родителей не хотѣлось ударить себя, что называется, лицомъ въ грязь: отъ всей души желалось начать урокъ и занятно и интересно и серьезно въ тоже время... Но какъ? Съ повѣрки ученическихъ знаній—мертво, съ обычныхъ бесѣдъ о классѣ и о окружающей обстановкѣ въ присутствіи взрослыхъ—наивно... Чувствовалось, что они ждутъ чего то посерьезнѣе. Я терялся, ощущалъ подъ собою зыбкую почву полнѣйшей практической неподготовленности. Спасибо пришелъ батюшка и вывелъ меня изъ смущенія; онъ перебросился однимъ другимъ словомъ кое съ кѣмъ изъ родителей, указалъ мнѣ болѣе выдающихся учениковъ, задалъ дѣтямъ рядъ вопросовъ изъ священной исторіи, и часъ мы такимъ образомъ коротали. Сдѣлали перемѣну. Дѣти

шумно убѣждали на улицу. Родитель простился со мною и уѣхалъ, ушелъ и батюшка; я, такимъ образомъ, впервые остался въ своей комнаткѣ самъ съ собою. Стало какъ-то непривычно грустно, не то что бывало въ семинаріи, гдѣ по возвращеніи съ каникулъ такъ и ринешься въ веселый разговоръ... Впрочемъ, меланхолическому то настроенію отдаваться было некогда: рой дѣтишекъ шумѣлъ и звалъ къ дѣлу...

Въ классѣ однако родители любопытно выжидали моихъ именно занятій... Дѣлать нечего, приходилось начинать... Тутъ озарила меня счастливая мысль почитать что нибудь вслухъ; на первый разъ это мнѣ показалось самымъ подходящимъ и для всѣхъ занимательнымъ. Помнится, сперва я взялъ книжку житій святыхъ и прочелъ, воспоминаемое на слѣдующій день 6 числа, чудо Архистратига Михаила... А потомъ одинъ изъ интересныхъ, назидательныхъ, бытовыхъ рассказовъ священника Владиславлева. Голосомъ я, къ счастью, обладаю чистымъ, громкимъ, и мое чтеніе очевидно произвело впечатлѣніе; всѣ слушали съ глубокимъ вниманіемъ, только новички разсѣянно озирались: имъ непривычны конечно были это сравнительно долгое сидѣніе на одномъ мѣстѣ, эта тѣсная обстановка, а тѣмъ болѣе нѣкоторое напряженіе вниманія. Кто то изъ старшихъ мальчиковъ довольно толково передалъ содержаніе прочитаннаго. Никогда я потомъ не пожалѣлъ, что такъ именно началъ свой школьный трудъ, хотя и сдѣлалъ нѣкоторое отступленіе: урокъ замѣнилъ религіозно-нравственнымъ чтеніемъ, и никогда уже потомъ не измѣнялъ этому случайно обрѣтенному начальному занятію. Дѣло то въ томъ, что послѣ продолжительнаго

лѣтнаго отдыха, вольной улицы, непосредственный переходъ къ скучной грамматикѣ, къ вычисленіямъ, неестественнѣ, навѣваетъ на учениковъ нѣкоторую скуку и можетъ на первыхъ же порахъ оттолкнуть ихъ отъ школы, а между тѣмъ весь секретъ то будущихъ успѣховъ заключается въ томъ, чтобы дѣти полюбили школу, заинтересовались ею. Всякое же занимательное чтеніе и особенно живой рассказъ изъ исторіи ли, изъ народнаго ли быта, или, наконецъ, изъ области міровѣдѣнія сразу завоевываютъ вниманіе дѣтей, тянутъ ихъ въ школу, больше и больше пробуждаютъ въ нихъ любознательность, и въ учителѣ они начинаютъ видѣть не сухаго только наставника, но и добраго собесѣдника, а потому и скоро привязываются къ нему своими чуткими сердцами. Я и самъ почувствовалъ себя во время чтенія очень хорошо, когда увидѣлъ десятки дѣтскихъ глазокъ, внимательно на меня устремленныхъ. Пища, очевидно, пришла имъ по вкусу... Въ душѣ моей ощутилась нѣкоторая бодрость, что для меня, какъ новичка, было и важно и утѣшительно: вѣдь всякая струя бодрости, протекающая въ сознаніи начинающаго дѣтеля, укрѣпляетъ его на избранномъ пути... Раздачею необходимыхъ книгъ и пособій закончилъ я занятія того, всегда памятнаго мнѣ, дня. Дѣти пропѣли молитву хотя и дружно, но довольно таки нестройно, и стали расходиться. Родители также любезно со мною попрощались... Не обошлось безъ комплиментовъ... „Ну этотъ учитель, слышалъ я, говорилъ въ толпѣ одинъ старичекъ, Господь дастъ научить нашихъ баловниковъ страху Божію“... Очевидно, чтеніе про „Божественное“, а также и—нравственнаго рассказца расположило ихъ въ

мою пользу, и впослѣдствіи я не разъ наблюдалъ, что крестьяне, особенно болѣе чуткіе, всегда съ искреннею благодарностію и здравымъ пониманіемъ дѣла встрѣчаютъ всякое воспитательное вѣяніе школы на ихъ дѣтей, и хотя не всегда они ясно выражаютъ, за то всегда искренно желаютъ отъ нея не одной только грамотности, но и насажденія въ дѣтяхъ страха Божія, порядочности, словомъ, всего того, что принято объединять въ понятіи благовоспитанности. И это желаніе съ поразительною силою возрастаетъ въ благомыслящей части крестьянства, по мѣрѣ распространенія всюду наблюдаемой нравственной порчи молодого поколѣнія. Бѣдные родители! Вѣдь на ихъ трудовыхъ плечахъ все злыя послѣдствія этой порчи, ихъ сердца изѣмаетъ горечь за участь своихъ близкихъ, они съ ужасомъ смотрятъ на это, въ сущности наше общерусское, горе и наиболѣе проникательные изъ нихъ видятъ спасеніе отъ этого зла во святомъ храмѣ, доброй школѣ, да твердой власти.

Остатокъ дня я провелъ въ устройствѣ своего маленькаго хозяйства; къ моему удобству при школѣ проживала еще довольно бодрая старушка, способная сносно приготовить и вообще удовлетворить несложнымъ, хозяйственнымъ нуждамъ одинокаго учителя. Это обстоятельство избавляло меня отъ стѣснительныхъ путешествій обѣдать гдѣ нибудь на селѣ, или у членовъ причта, какъ это обыкновенно водится въ другихъ школахъ, неимѣющихъ женской прислуги. Весь же вечеръ я, полный желанія повести дѣла по всемъ правиламъ дидактическаго искусства, метался отъ методики къ методикѣ отъ одного руководства къ другому, благо ихъ нашлось въ школьномъ шкафу добрый десятокъ разныхъ

авторовъ; прочитавши въ нихъ внимательно всё, что полагается учителю на первыхъ порахъ продѣлывать въ классѣ, я всетаки нарисовать себѣ плана преподаванія совершенно ясно, вполнѣ меня удовлетворяющаго, не могъ, и заснулъ въ этотъ день съ сильнѣйшимъ желаніемъ послушать рядъ практическихъ уроковъ какого нибудь опытнаго, дѣльнаго, сердечно преданнаго своему дѣлу, учителя.

Потекли дни по внѣшнему своему порядку одинъ похожій на другой, но во внутренней моей жизни настроенія мѣнялись: то радостная восторженность наполняла сердце при первыхъ проблескахъ успѣха, вѣра въ смыслъ начатаго дѣла, казалось, сіяла ярче, фантазія летѣла впередъ на быстрыхъ крыльяхъ, рисовала привлекательныя перспективы будущаго, какъ я постепенно расширю свое вліяніе на молодое поколѣніе, приобрѣту среди народа авторитетъ, навсегда отдамся школьному дѣлу, даже... О какіе широкіе замыслы, какъ я пересоздамъ жизнь въ этихъ хаткахъ!.. То, напротивъ, тихая грусть охватывала всё мое существо отъ горькихъ наблюденій надъ темной еще и сѣрой народной жизнью, отъ собственныхъ промаховъ, — отсутствія постоянного воодушевленія къ дѣлу... Въ такія минуты мерещился очень тяжелый вопросъ: хорошо ли я сдѣлалъ, что шагнулъ на такое великое дѣло, какъ воспитаніе человѣческихъ душъ, не свѣрившись обстоятельно съ наличностію силъ, со способностію своею выдержать борьбу съ неблагоприятными явленіями дѣйствительной жизни? Но юность, между прочимъ, тѣмъ и хороша, что настроенія въ ней не задерживаются, она какъ весеннее небо, то синѣтъ лазурью, то покроеется облачками, то снова расчистится вѣтеркомъ и порадуетъ своею чистотою...

Не стану описывать обычный ходъ классныхъ занятій... Тутъ, конечно, съ моей стороны была масса ошибокъ неопытности, можетъ быть, даже болѣе чѣмъ я сознавалъ; особенно затрудняло меня, какъ вѣроятно и всѣхъ начинающихъ, веденіе дѣла одновременно съ тремя группами. Находчивость давать работу еще не приобрѣтена, а видъ дѣтей одной группы скупающихся, сидящихъ безъ дѣла въ то время какъ я занимался съ другой былъ для меня ножъ острый... Это то вялость, разсѣянность учениковъ, вслѣдствіе отсутствія у нихъ занятій, бросаетъ въ душу сѣмена лѣности и апатіи къ ученью... Рекомендуютъ занимать дѣтей въ этихъ случаяхъ самостоятельными работами, но опытъ также свидѣтельствуетъ, что такія работы хороши и плодотворны тогда только, когда учитель время отъ времени вмѣшивается въ нихъ, подбодряетъ учениковъ, предупреждаетъ затрудненія и немедленно исправляетъ ошибки, но къ такому быстрому и умѣлому веденію дѣла я не былъ подготовленъ, или, лучше, не находчивъ былъ въ немъ. Задашь, бывало, старшимъ, на примѣръ, задачу, среднимъ какое нибудь письменное упражненіе, а самъ пойдешь къ младшимъ, работать съ ними надъ звуками... увлечешься, стараешься втолковать мальцу, — глядь, часъ уже пролетѣлъ, а тамъ одни грызутъ бесплодно карандаши, встрѣтившись съ непредусмотреннымъ мною затрудненіемъ, другіе надѣлали массу ошибокъ, исправлять которыя чуть ли не до вечера хватить, а иные то же въ свою очередь увлеклись, зашалили. Досада поднимется въ душѣ, мятнешься туда, сюда — дѣло не клеится... Просто бѣда, въ другой разъ въ душѣ закипитъ раздраженіе, такъ и хочется крикнуть на какого нибудь

шалуна, или, по моему мнѣнію, безтолковаго мальчугана. Сколько поводовъ испортить свой характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ погубить и воспитательное дѣло, если давать волю раздраженію и проявлять порывы гнѣва въ крикахъ, напрасныхъ, необдуманныхъ наказаніяхъ. Но, благодареніе Богу, изъ этого искуса я вышелъ благополучно, замѣтивъ еще при самой первой встрѣчѣ съ дѣтьми обаятельное вліяніе на нихъ ласки. Къ тому же я всѣми силами приучалъ себя къ самообладанію, сдержанности, и чѣмъ больше упражнялся въ приобрѣтеніи этихъ, необходимыхъ всякому учителю, свойствъ, тѣмъ рѣже загорались во мнѣ вспышки гнѣва и незамѣтнѣе становилось мое невольное внутреннее раздраженіе... Награду за эту настойчивую работу надъ самимъ собою скоро я получилъ въ видѣ замѣтной привязанности ко мнѣ дѣтей: они, можетъ быть сами не сознавая того, цѣнятъ кроткое отношеніе и ласковое слово къ нимъ, да и какъ не цѣнить? Глянешь раннею весною на природу, когда послѣ продолжительнаго ненастья заиграетъ животворное солнышко, все кругомъ такъ и оживетъ, травка брызнетъ зеленью, воздухъ наполнится ароматомъ, цвѣточки поднимутъ свои головки, точно улыбаются грѣющимъ лучамъ въ отвѣтъ на ихъ ласку. Подобное бываетъ и съ дѣтьми особенно темной крестьянской среды: нѣжная еще душа проситъ привѣта, ласки, а кругомъ все такъ сѣро, иногда грубо; старшимъ по большей части не до нихъ, родители разумѣется и любятъ ихъ, но часто усталые, иногда угнетаемые бѣдностію, рѣдко, рѣдко дарятъ ихъ лаской, чаще кричатъ на нихъ за дѣло и напрасно, тамъ дадутъ подзатыльникъ, здѣсь прогонять, чтобы не мѣшали своими,

хотя-бы невинными, играми, а про чужихъ, окружающихъ людей и говорить нечего: до нѣжностей ли человѣку, погруженному въ трудъ, самому никогда ихъ неиспытавшему, день денской гонящемуся за кускомъ насущнаго хлѣба... А дѣти между тѣмъ растутъ, грубѣютъ, становятся рѣзкими въ словахъ и дѣйствіяхъ, и счастлива та школа, которая сумѣетъ восполнить существенный пробѣлъ домашняго воспитанія добрымъ, кроткимъ обращеніемъ, по временамъ благотворною лаской, какъ бы солнечнымъ лучемъ, согрѣетъ юныя души и дастъ возможность таящимся въ нихъ добрымъ свойствамъ развиваться, блеснуть красотой благовоспитанности. Эти соображенія ясно предносились мнѣ... Къ счастью чутко работала и совѣсть, всякое раздраженное повышение голоса оплачивалось ея упреками, а даные какъ то разъ мною одному мальчугану 2—3 щелчка вызвали въ душѣ рядъ такихъ мученій, что я навсегда закаялся повторять что нибудь подобное. Недостатокъ опытности и подготовки къ практическому веденію собственнаго учебнаго дѣла приходилось восполнять иногда довольно упорнымъ трудомъ, приходилось готовиться къ урокамъ, съ вечера обдумывать порядокъ занятій, подбирать задачи и проч. хотя, нужно замѣтить, этотъ трудъ хорошо вознаграждался тѣмъ спокойствіемъ, тою легкостію духа, съ которыми велъ потомъ продуманный уже урокъ. Очень жалѣю теперь, что свои предварительные планы уроковъ и вообще подготовительныя занятія не заносилъ я на бумагу... Каждый день послѣдній часъ я поставилъ за правило посвящать чтенію или бесѣдѣ съ дѣтьми; правда, чрезъ такое нововведеніе сократились учебныя часы, нарушилось нѣсколько росписаніе,

но это едва ли можно поставить въ вину простой, сельской школѣ, гдѣ, какъ въ большой доброй семьѣ, занятія желательно отправлять просто, любовно безъ узкихъ рамокъ и строгихъ распредѣленій времени. При томъ же секретъ успѣшнаго обученія, какъ я уже упоминалъ ранѣе, въ пробужденіи дѣтской любознательности и любви къ школѣ, а то и другое всего лучше воспитывается въ дѣтяхъ тогда, когда они будутъ узнавать въ школѣ кромѣ мертвыхъ цифръ, правилъ, что нибудь новенькое, жизненное, занимательное изъ области ли жизни человѣческой, или окружающаго насъ міра Божія. А чѣмъ какъ не живою бѣсѣдою съ ними можно достигнуть этого?! ¹⁾

На первыхъ же порахъ учительства мое вниманіе поглотила школьная молитва; не смотря на свою молодость, я не разъ наблюдалъ, что дѣйствительное отношеніе народа къ молитвѣ далеко отъ идеала, рисуемаго церковною школою. Правда, изъ простыхъ, но твердо вѣрующихъ душъ нерѣдко выливаются искренніе молитвенные вздохи, но главнымъ образомъ только въ исключительныхъ, такъ сказать, экстренныхъ случаяхъ, наприкладъ, въ минуты скорбей, среди общественныхъ бѣдствій, въ приливѣ благодарности, или предъ лицомъ угрожающей опасности, наконецъ у мощей Св. Угодниковъ, у подножія святынь; въ жизни же повседневной, при обычномъ теченіи обстоятельствъ, эта потребность въ человѣкѣ, почти посто-

янно физически трудящемся, какъ бы замираетъ, точно застилается пылью житейской суеты, и про большинство простолюдиновъ можно сказать, что они часто крестятся, но рѣдко молятся; не даромъ и въ народѣ сложилась пословица, выражающая ту же мысль: „всякъ крестится, но не всякій молится“... И народъ, къ сожалѣнію, сжилъ съ такою внѣшнею молитвою; я не разъ непосредственно наблюдалъ, какъ тотъ или другой человѣкъ, положивши нѣсколько поклоновъ, осѣнивъ себя нѣсколько разъ крестнымъ знаменіемъ, продѣлавъ то и другое безъ всякаго участія ума и сердца, безъ произнесенія даже молитвенныхъ словъ, чувствуетъ себя исполнившимъ молитвенный долгъ. Несомнѣнно, что задача именно церковной народной школы прояснить молодому поколѣнію смыслъ, сущность хрістіанской молитвы не теоретически только—изученіемъ молитвъ и ихъ объясненіемъ, но и практически—воспитаніемъ въ дѣтяхъ навыка къ постоянной благоговѣйной, сознательной молитвѣ; проникаясь этою мыслию, я поставилъ себѣ задачею пробуждать въ дѣтяхъ всѣми возможными мѣрами потребность молиться... Можетъ быть я брался за слишкомъ важное, непосильное мнѣ дѣло, но вѣдь въ данномъ случаѣ я прежде всего прислушивался къ голосу долга...

Не берусь, да и не смѣю судить, насколько я достигалъ осуществленія намѣченной, высокой цѣли, скажу лучше про способъ, которымъ я хотѣлъ достигнуть ея: каждодневнымъ опытомъ убѣждаясь въ томъ, что настроеніе учителя живо отражается на настроеніи учениковъ, я напрягалъ всѣ силы душевныя, чтобы самому быть во все время школьной молитвы внимательнымъ, благоговѣйнымъ; а чтобы молитвы произносились съ возможною

¹⁾ При встрѣчѣ со своими бывшими учениками, лѣтъ чрезъ 10, изъ разговоровъ съ ними я убѣдился, что изъ всѣхъ нашихъ уроковъ они лучше всего помнятъ и съ удовольствіемъ вспоминаютъ наши бесѣды, чтенія и разговоры. Не говорить ли этотъ фактъ за глубокую жизненность нашихъ занятій?

выразительностію и толково, первыя недѣли читаль ихъ обыкновенно самъ вслухъ всего класса, а дѣтей заставлялъ вторить себѣ тихимъ шепотомъ; потомъ меня сталъ замѣнять кто нибудь изъ нихъ, а самъ я слѣдилъ чтобы молитвенное настроеніе класса поддерживалось и ничѣмъ не нарушалось... Но иногда ужасно досадно было смотрѣть на совершенно равнодушное стояніе нѣкоторыхъ, или машинальное маханіе рукою для крестнаго знаменія; за то отрадное умиленіе охватывало сердце, когда дѣти настраивались хорошо, когда на ихъ личикахъ свѣтилось усердіе и слышался благоговѣйный, молитвенный шепотъ. Но кромѣ, такъ сказать, жизни общественной—школьной, во мнѣ, какъ въ 20 лѣтнемъ юношѣ, живо текла и личная: послѣ занятій оставался значительный просторъ времени, въ который можно было отдаться и личнымъ потребностямъ, склонностямъ, привычкамъ...

Воспитанный въ тишинѣ и простотѣ деревенской, а потомъ въ скромныхъ стѣнахъ казенныхъ учебныхъ заведеній, я совершенно не тянулся ни къ роскоши, ни къ удовольствіямъ, ни даже къ многочисленному обществу. Я вполне былъ доволенъ своей квартирной обстановкой и въ первое время рѣдко выходилъ даже къ священнику. Новость моего положенія, думы, мечты, чтеніе совершенно поглощали всѣ мои досуги. День обыкновенно начиналъ часовъ въ 7 и непременно чтеніемъ хотя одной главы изъ „Новаго Завѣта“; въ семинаріи мы довольно подробно проходили священное писаніе, но то были уроки, а теперь хотѣлось насколько хватало душевныхъ силъ, продумать и прочувствовать слово Божіе, мыслями надъ святыми страницами укрѣпить въ себѣ хотя и свѣтлыя, но неустойчивыя еще порывы, стремленія юности.

Нѣкоторыя мысли и чувства, почему нибудь особенно поражавшія меня, тотчасъ же заносилъ въ тетрадь. Въ благотворности такого чтенія и размышленія на душевную жизнь я скоро же убѣдился. Тепло, легко, бодро становилось на душѣ, и съ великою охотою идешь на дневной трудъ, живо сознавая, что въ немъ разумная цѣль нашей жизни. Послѣ же занятій я отдыхалъ надъ легкимъ чтеніемъ, перечитывалъ лучшихъ русскихъ авторовъ, особенно упивался симпатичными мнѣ произведеніями Тургенева; его безподобныя описанія красоты природы приводили меня въ восторгъ, я ихъ выписывалъ, заучивалъ наизусть, да и общій легкій тонъ разсказовъ какимъ то пріятнымъ тепломъ вѣялъ въ сердце. Но вообще-то въ чтеніи строгой системы у меня не было; читались и попадавшіеся подъ руку журналы духовныя, свѣтскіе, а иногда газеты. Здѣсь я въ полномъ одиночествѣ опытно и живо позналъ, что хорошая книга есть прекрасный другъ чело-вѣка, за котораго нашему брату, начинающему жить, крѣпко и крѣпко нужно держаться. Живо промелькнетъ часъ-другой, глядь надвинулись уже и сумерки; старуха принесетъ самоваръ, скажетъ попутно что нибудь: ея сообщенія иной разъ были довольно интересны въ смыслѣ довольно мѣткой характеристики окружающихъ лицъ, что для меня какъ новичка въ здѣшнихъ мѣстахъ иногда было не бесполезно. Я съ затаеннымъ интересомъ выслушивалъ мнѣнія и отзывы обо мнѣ крестьянъ, которые, конечно, старухѣ извѣстны были въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Отзывы въ общемъ были довольно благопріятныя: крестьянамъ нравилась моя тихая, уединенная жизнь; многимъ нравилось кроткое обращеніе съ дѣтьми,

но нѣкоторые опасались, что при кротости я не обучу ихъ какъ слѣдуетъ. Одобрительныя мнѣнія, говорю откровенно, меня очень радовали, и это чувство было хорошо тѣмъ, что сильно побуждало къ дальнѣйшимъ трудамъ. Вотъ, думалось мнѣ, что я успѣлъ сдѣлать полезнаго для нихъ въ какія нибудь 2—3 недѣли, а они уже такъ хорошо относятся ко мнѣ; какъ же не поблагодарить ихъ за это самымъ добросовѣстнымъ трудомъ. Не обходилось однако и безъ огорченій; разъ мнѣ пришлось выслушать довольно рѣзкое, въ то же время неосновательное, неудовольствіе нѣкоторыхъ родителей на то, что я долго не даю новичкамъ букварей, а все сижу съ ними на какихъ-то „звукахъ“... Между тѣмъ медлительность въ высылкѣ книгъ совершенно не отъ меня зависѣла, а продолжительныя и основательныя звуковыя упражненія весьма полезны. Былъ, между прочимъ, еще и такой случай: разъ я имѣлъ неосторожность оставить одну, очень шаловливую, небрежную дѣвочку безъ обѣда, что матери ея очень не понравилось; разбранивши меня, какъ слѣдуетъ, она перестала пускать свою дочь въ школу. Это, впрочемъ, былъ мнѣ хорошій урокъ не прибѣгать въ будущемъ къ бесполезному, въ сущности довольно суровому, наказанію; какъ, въ самомъ дѣлѣ, лишать ребенка обѣда хотя бы за провинности, когда и весь то этотъ обѣдъ состоитъ обыкновенно изъ куска хлѣба, нѣсколькихъ картошекъ да бутылки жиденькаго квасу. Грустно мнѣ было и потому, что способность моя, какъ мнѣ казалось, оставлять дѣтей безъ обѣда свидѣтельствуетъ объ отсутствіи во мнѣ настоящей любви къ нимъ. Вотъ прошли года, самъ теперь имѣю дѣтей, случается—шалать, ссорятся между

собою, не слушаются, однако при всемъ томъ мнѣ и въ голову ни разу не пришла мысль лишить своего ребенка обѣда, почему? А потому, что дѣйствительно любишь своихъ дѣтей; любовь же изгоняетъ изъ отношеній людей другъ къ другу всякую черствость, суровость... Съ половины Сентября наступили дни хотя прохладные, но тихіе, прекрасные; золотистый колоритъ увядающихъ лѣсовъ сливался съ моремъ яркаго солнечнаго свѣта. Вечера казались еще прекраснѣе. Огненная заря окрасить край синѣющаго небосклона, обильная роса прихотливо серебрить неувядшіе еще луга—выйдешь изъ школы прогуляться: волны чистаго, бодрящаго воздуха такъ и проникаютъ тебя. Съ неба, словно привѣтомъ, мигаютъ звѣздочки; на раскинушемся длинною лентою селѣ глядятъ огоньки, у иныхъ вѣроятно собралась теперь семья, и, можетъ быть, мои мальцы утѣшаютъ своихъ родныхъ полезнымъ чтеніемъ. Мысль быстро разгорается, довольство жизнью тепломъ вѣетъ въ сердцѣ... Фантазія рядить грядущую даль въ самый яркій, утѣшительный нарядъ... Жизнь человѣческая, жизнь этой разстилающейся вокругъ, безмятежной природы чудится полною глубочайшаго смысла, и такую ощущаешь въ себѣ сильную жажду жить и жить, жить осмысленно, хорошо, полезно... Съ села льется пѣсня... Словъ не разберешь, но самые звуки такъ и хватаютъ за сердце: хочется излить полноту душевную въ какомъ нибудь восторженномъ, жизнерадостномъ гимнѣ. Боже! чтобы этотъ чудный вечеръ продлился, замерь и даль бы возможность долго, долго упиваться его прелестями, волнами ощущаемаго прилива жизнерадостности. Скромная, одинокая деревенская жизнь кажется самою сча-

стливою; маленькій, школьный трудъ—полнымъ глубокаго смысла; цѣлую жизнь, кажется, не жаль отдать ему. Бродишь долго, до утомленія; село затихаетъ, придешь домой, но и въ полусумракѣ тихой комнатки свѣтлыя мысли и чувства продолжаютъ играть отрадными переливами.

Разбудишь въ кухнѣ старуху, чтобы подала скромный, остывшій уже, ужинъ; въ 5—10 минутъ покончишь его и скорѣе за перо, быстро скользнуть оно по бумагѣ... За день душа преисполнилась впечатлѣніями, хочется излить ихъ, подѣлиться съ кѣмънибудь ими, но съ кѣмъ же? Эти стѣны молчаливы, тихая ночька тоже безотвѣтна, а бѣ-

лая бумага принимаетъ все-все, что ни повѣдаешь ей, и она то въ долгіе вечера не разъ являлась единственнымъ, безмолвнымъ моимъ собесѣдникомъ, которому я повѣрялъ свою душевную жизнь—всю безъ утайки... Прошли года, во многомъ я измѣнился, но когда оглянешься попристальнѣе назадъ—въ прошлое, пробъжишь набросанныя когда то неискусною рукою строки, пахнетъ тепломъ и бодрящею отрадою изъ пережитаго, ясно станетъ, что та невозвратная поэтическая полоска моей самой скромной, по внѣшнему положенію, жизни, была лучшею, незабвенною порою...

Свящ. В. Востоковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

14 Ноября. Могучимъ средствомъ къ развитію въ дитяти религіознаго чувства служить еще частое знакомство его съ храмомъ Божиимъ. О, какую неоцѣненную услугу дѣлаетъ для дитяти любящая мать или другое лицо изъ близкихъ ему родныхъ, нося его въ церковь съ раннихъ лѣтъ! Для чистаго, невиннаго и впечатлительнаго сердца ребенка много тамъ встрѣтится благочестивыхъ примѣровъ, которые одинъ за другимъ постепенно находятъ для себя уголокъ въ дѣтской памяти и сохраняются въ ней навсегда. Величественная, послѣ убогой дымной крестьянской хаты, обстановка храма, стройное Богослуженіе, многочисленное собраніе молящагося народа, благолѣпный видъ священнослужителей, звонъ церковныхъ колоколовъ—все это глубоко западаетъ въ душу дитяти, составляетъ его первыя впечатлѣнія при вступленіи на дорогу жизни, изъ которыхъ многія останутся у него въ

памяти навсегда и будутъ для него священны до могилы. Хотя въ послѣдующіе годы его жизни многіе другіе примѣры дурнаго развращающаго свойства и заглушаютъ, быть можетъ, тѣ первыя золотыя впечатлѣнія дѣтства, но только на время, а не навсегда. Едва человѣкъ вновь вздумаетъ вспомнить о Богѣ, испуститъ молитвенный вздохъ, соединенный съ поканіемъ во всемъ имъ содѣянномъ, какъ почувствуетъ, что все укоренившееся въ немъ дурное, порочное исчезнетъ, ступается, а первыя впечатлѣнія дѣтства вновь, какъ искорки, затеплятся въ его душѣ, согрѣютъ ее благодатнымъ огнемъ воспоминаній о былой своей невинности и, все болѣе и болѣе входя въ кругъ воображенія изъ глубокихъ тайниковъ памяти, наполняютъ все существо человѣка тѣмъ отраднымъ благоговѣніемъ, какое чувствовалъ онъ въ годы своего младенчества. При этихъ воспоминаніяхъ путь грѣховной жизни станетъ ему чуждъ, мерзокъ

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 52.

и ненавистенъ, а путь покаянія и стремленія къ невинности сдѣлается для него милымъ и необходимымъ. По поводу всего нынѣ написаннаго мной скажу нѣсколько словъ о себѣ. Словно сквозь смутный, но пріятный сонъ помню я, какъ бывало въ праздничные дни носили меня мать или бабушка въ церковь. Впрочемъ, опишу все по порядку.

Воскресный день. Ведро. Съ голубой небесной высоты обильно льются на землю благодатные лучи лѣтняго солнца. Въ природѣ стоитъ тишина. Село приняло праздничный видъ: по улицамъ не видно ѣдущихъ въ поле съ сохами поселянъ, но вмѣсто сего спѣшатъ они пестрыми толпами къ церкви. Село и его окрестности оглашаются торжественнымъ звономъ къ обѣднѣ. Наша убогая хатка и сѣни около нея съ землянымъ, гладко утопаннымъ, поломъ выметены чисто. Мать уже собралась идти въ храмъ, одѣвшись въ праздничное платье. Потомъ она подходитъ ко мнѣ, беретъ меня за руку и подводитъ къ ведру, изъ котораго зачерпываетъ ковшъ холодной воды и начинаетъ умывать ею мое запачканное въ пыли и сажѣ лицо. Это непріятно мнѣ: Я начинаю плакать. „Къ обѣднѣ, вѣдь, пойдемъ, а ты плачешь? Нельзя туда идти не умытому; батюшка медку тебѣ дастъ, а запачканный то какъ ты къ нему подойдешь. Эти слова успокоиваютъ меня и радуютъ. Я знаю, что у обѣдни хорошо, тамъ много народу и будутъ многіе изъ моихъ сверстниковъ, съ которыми не разъ уже любо было мнѣ поиграть на зеленой травѣ около самой „обѣдни“ (подъ этимъ словомъ я разумѣлъ церковь), а потому сразу перестаю плакать и начинаю уже весело разговаривать съ мамой. Но вотъ я умытъ, причесанъ, обряженъ въ но-

вую рубашенку и опоясанъ цвѣтнымъ поясомъ. Мать беретъ меня на руки, дѣлаетъ нѣсколько поклоновъ предъ иконами, и мы отправляемся въ церковь. Колокольный же звонъ такъ и гудитъ, такъ и льется по селу. Вотъ и „обѣдня“. Высокій крестъ церкви, окованный бѣлою жестью, ярко блеститъ на солнцѣ; бѣлизна стѣнъ и зеленая крыша храма производятъ радостное впечатлѣніе. Входимъ въ церковь; она полна народу. Трезвонъ колоколовъ глухо слышится подъ сводами церкви. Народъ все прибываетъ и прибываетъ. Вотъ вошелъ дѣдушка Карпъ, неся въ рукѣ желтенькую копеечную свѣчку и протискивается молча впередъ, проходя бокомъ; вотъ тетка Матрена идетъ туда-же, бережно держа у груди красенькое поминаніе и просфору; навстрѣчу имъ спѣшитъ въ паперть, гдѣ дымятся угли, хроменькій сторожъ старичекъ Кузьма съ кадиломъ въ рукѣ... И много, много народу знакомаго мнѣ и не знакомаго наполняютъ храмъ. Послышалось далекое пѣніе; народъ сдѣлался тише... поднимается много рукъ для крестнаго знаменія, кладутся поклоны и слышится молитвенный шопотъ и вздохи; кто-то сзади насъ въ самомъ уголку тихонько подпѣваетъ клиру. Обѣдня началась. Долго уже стоимъ мы. Я случайно взглянулъ въ окно и вижу, что на травкѣ въ оградѣ сидитъ мой товарищъ, сынъ нашего сосѣда,—Митя.—„Я, мама, къ Митѣ хочу, вонъ Митя“, слышитъ мать просьбу съ моей стороны и, зная заранѣ, что она повторится неоднократно да еще съ плачемъ пожалуй, выноситъ меня къ Митѣ. Съ нимъ начинаются у насъ разговоры, въ которыхъ мы дѣлимся другъ съ другомъ тѣмъ, что кому нравится въ „обѣднѣ“. Митя удивляется высотѣ ея и утверждаетъ, что крестъ ея до-

стаетъ до самаго неба, гдѣ Боженъка живетъ, и сожалеетъ, что „обѣдня“ далеко отъ нашихъ домовъ, не то бы онъ—Митя—каждый день сталъ ходить въ нее и выучился бы даже лазить на колокольню, звонить и даже „служить“, т. е., пѣть. Я съ своей стороны сообщалъ ему о томъ, что видѣлъ въ „обѣднѣ“ большіе—пребольшіе образа съ золотыми краями, на которыхъ написаны Боженъки и маленькіе ангелы чики съ голубиными крылышками, что около нихъ горитъ много и большихъ, и маленькихъ, и бѣлыхъ, и желтыхъ

свѣчей; что я видѣлъ тамъ даже разные огни: зеленый и красный, которые въ чашечкахъ горѣли предъ иконами; видѣлъ батюшку, какъ онъ весь въ золотой ризѣ отворялъ золотую дверь и входилъ въ нее... Такъ, бывало, дѣлился своими впечатлѣніями съ такимъ же малышомъ какъ и самъ. А возвратишься домой—здѣсь то сколько рассказовъ! Охотишься лепетать рѣшительно про все, что замѣтилъ въ храмѣ и что такъ или иначе заинтересовало тебя.

Учит. Е. Куликовъ.

Привѣтъ.

Дорогіе и милые братья,
Я хотѣлъ бы васъ всѣхъ увидеть,
Я хотѣлъ бы вамъ всѣмъ безъ изъ-
ятья
Крѣпко честную руку пожать.

По глухимъ деревнямъ и селеньямъ
Вы живете, отдавшись труду,
Вынося съ благороднымъ терпѣнь-
емъ
Неудобства и, часто, нужду.

Не пугаетъ васъ эта невзгода,
Ваше сердце любовью полно.
„Потрудись для родного народа!“—
Говорить постоянно оно.

Вы и трудитесь,—доброе сѣмя
Вы бросаете въ сердце дѣтей,
Вы лелѣете юное племя
Для родимой отчизны своей.

Богъ на помощь вамъ!.. Доброе дѣло
Не легко въ наши дни совершать,

Но съ неправдой кто борется смѣло,
Съ тѣмъ святая всегда благодать;
Тотъ въ любую невзгodu и пору,
Одинокій забытый въ глуши,
Подкрѣпленье найдетъ и опору
Въ глубинѣ своей честной души;

Тайный голосъ тогда ему скажетъ:
„Не смущайся,—за праваго Богъ!“
И прямую дорогу укажетъ
Къ свѣту, къ правдѣ, въ небесный
чертогъ.

Не сбивайтесь же съ этой дороги,
Твердо вѣруйте въ силу добра...
Ночь пройдетъ разлетятся тревоги,
И настанетъ святая пора.

Всѣ сознаютъ свои заблужденія,
Справедливо оцѣнятъ вашъ трудъ
И за годы нужды и лишенія
Благодарностью вамъ воздадутъ.

Свящ. А. Державинъ.

ПОСѢВЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

Школьные вечера.

Наши школы не напрасно можно упрекнуть въ недостатокъ уютиности и привѣтливости, въ какомъ-то точно намѣренномъ неряшествѣ и пренебреженіи къ эстетическимъ потребностямъ ея и питомцевъ и воспитателей, отдающихъ ежедневно школѣ лучшую и большую часть времени. Какъ только вы переступаете порогъ школы, васъ сразу обдаетъ сухой, непривѣтливой казенщиной; вы сразу видите величайшую разницу между убранствомъ самаго даже простого жилого домика и убранствомъ школы. Когда вы входите въ домикъ какой нибудь семьи, вы сразу чувствуете, что въ этомъ домикѣ все до послѣдняго бревнышка подлежитъ уходу и попеченію, какъ дорогая собственность этой семьи. У дверей хоть какой нибудь коврикъ или половичекъ, достаточно стульевъ или лавочекъ и столиковъ, поставленныхъ хоть съ какимъ нибудь вкусомъ и симметрией, на стѣнахъ какія нибудь ласкающія взоръ картины или назидательныя изображенія. Въ углу нѣсколько иконъ, содержащихъ въ чистотѣ и благоговѣніи, удручающая душу пустота оконъ устраниена цвѣточками, занавѣсочками, столики накрыты недорогими, но чистенькими салфеточками. Все такъ уютно, привѣтливо, точно улыбается посѣтителю, зоветъ его отдохнуть душою, радуется миловидною простотою и чистотою, которая справедливо носить столь удачное имя: „роскошь бѣдности“.

Ничего подобнаго вы не увидите въ школѣ. Кромѣ скучнѣйшихъ, непремѣнно черныхъ, партъ со скамейками, вы увидите здѣсь совершенно пустыя окна, голыя стѣны, грязныя, щелистыя, истасканные полы и потолки, повсюду безпорядокъ, неряшливость и вообще отсутствіе всего того, что

дѣлаетъ жилой домъ уютнымъ, привѣтливымъ и точно какъ бы живымъ существомъ, наравнѣ съ хозяевами этого дома (несущимъ все свое радушіе и гостепріимство къ утѣшенію дорогого гостя).

Непривѣтливость внѣшней обстановки, легко устранимая мало мальски любящимъ чистоту и уютность учителемъ или учительницей, усугубляется непривѣтливостію ея отношенія къ питомцамъ, которые привыкаютъ видѣть въ школѣ не ласковую добрую мать, позволяющую и порѣзвиться, повеселиться, погулять своимъ дѣткамъ, а всегда строгаго учителя или гувернера спрашивающаго только уроки, да карающаго двойками и всякими наказаніями. Между тѣмъ, школа имѣетъ прекрасную способность быть для дѣтей не только „училищемъ“, но и такимъ роднымъ уголкомъ, который можетъ принести имъ богатѣйшее соединеніе пріятнаго съ полезнымъ.

Одна изъ дѣйствительнѣйшихъ мѣръ для сообщенія школѣ такого значенія—это устроеніе школьных вечеровъ для питомцевъ при участіи ихъ родственниковъ, приглашаемыхъ на эти вечера въ качествѣ гостей.

Въ качествѣ примѣра такихъ вечеровъ любопытно привести описаніе школьнаго вечера, имѣвшаго мѣсто въ январѣ сего года въ Черемшанской церковно-приходской школѣ (Тобольской епархіи).

„Въ минувшемъ году—говоритъ описатель и устроитель этого вечера—я устраивалъ для дѣтей-учениковъ елку. Израсходовалъ на нее 19 руб. И вечеръ прошелъ тогда оживленно, и дѣти пѣли и читали удовлетворительно, но самъ я не нашелъ въ ней ничего хорошаго, и я рѣшилъ болѣе не устраивать елки. Нынѣ же, когда наступилъ декабрь, ученики нѣсколько разъ

спрашивали меня: „а что, батюшка, будетъ елка?“ Я имъ сказалъ: „я не думаю устраиывать елки, но если ученики старательно будутъ учиться, хорошо будутъ пѣть въ церкви, на святкахъ не будутъ ходить „по вечеркамъ“ (а здѣсь родители таковы, что позволяютъ дѣтямъ собираться въ отдѣльную избу и забавляться на подобіе старшихъ), и будутъ въ церкви у всѣхъ праздничныхъ службъ, тогда я послѣ Крещенія устрою вечеръ, который будетъ гораздо веселѣе елки“. И что же? Мои ученики каждый день просили псаломщика П. В. Малахова приходить къ нимъ въ школу и послѣ вечернихъ занятій (бывающихъ ежедневно съ 4^{1/2} до 6 ч.) пѣть съ ними, что онъ пожелаетъ.

Прошли святочные дни. Насталъ первый день ученія. При входѣ моемъ въ школу первое слово учениковъ было: „Батюшка! мы на вечеркахъ не были, только одна Василиса была, да и ту мать сама водила; она бы и не пошла, да мать ее сговорила“. Дѣвочка заплакала. Я сказалъ имъ: „спасибо“ и успокоилъ плачущую. Прошло нѣсколько учебныхъ дней. Ученики спрашиваютъ меня: „когда же будетъ вечеръ?“ Я имъ отвѣтилъ, что 22 января и предложилъ имъ выбрать по своему желанію что-нибудь для чтенія. Даже младшіе и тѣ заявили, что они будутъ читать. Кромѣ того я нѣкоторымъ изъ учениковъ лично назначилъ исполнить въ лицахъ стихотвореніе: „Выѣздъ ямщика“ и басню: „Два крестьянина и облако“. Предложилъ имъ попросить у родителей денегъ на покупку орѣховъ, конфектъ, чаю, сахару, муки, яицъ и масла. Все было исполнено съ большою охотой и готовностію. Я поѣхалъ въ городъ для закупки всего необходимаго къ вечеру и купилъ на 30 учащихся 10 ф. конфектъ, 15 ф. орѣховъ, 2 ф. пиленого сахару, восьмьюшка чаю и муки. Выхлопоталъ граммофонъ и волшебный фонарь. Предназначенные для учениковъ гостинцы я разложилъ по кулечкамъ, которые наклеили сами же

ученики. Еще наканунѣ вечера ученики прибрали парты и половину класса установили скамьями для публики, а другую оставили для себя.

Насталъ самый день вечера. До позднихъ сумерокъ ученики не показывались въ школу, рѣзвясь на улицѣ согласно моего совѣта. Когда пробило шесть часовъ вечера, я приказалъ зажечь въ школѣ огни. Придя въ школу, я съ трудомъ могъ пробраться въ классъ до стола. Въ корридорѣ и классѣ было полно, много было пріѣзжихъ изъ деревень; 13^{1/2} ар. \times 7^{1/4} ар. класса и 6 ар. \times 2^{1/2} ар. корридора—все это пространство было занято. Съ великимъ трудомъ я могъ собрать въ тѣсный кружокъ у стола своихъ учениковъ. Послѣ этого я обратился къ народу съ краткою рѣчью, въ которой выяснилъ имъ цѣль устройства вечера и просилъ ихъ обратить вниманіе на учениковъ, а именно на ихъ поведеніе и успѣхи въ дѣлѣ ученія, и въ заключеніе позволилъ присутствующимъ хлопать въ ладоши въ знакъ одобренія чтенію и просить повторенія словами: „еще“. Забѣгалъ кругъ съ пластинкой граммофона, дрогнула труба и полились изъ нея пріятные голоса: „Боже, Царя храни“. Всѣ въ удивленіи стоятъ, не шелохнутся. Кончилось пѣніе и вдругъ полился среди народа шумъ и говоръ. Возстановить спокойствіе было не легко. Вотъ псаломщикъ Малаховъ взмахнулъ рукою, и дѣти хоромъ запѣли: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“... Много перешло черезъ мои руки учениковъ, но до сего года такого подбора пріятныхъ и нѣжныхъ голосовъ еще не бывало. Быть можетъ, мнѣ замѣтять, что я сузу пристрастно, но были на вечерѣ лица интеллигентныя изъ города и села Боровскаго, которыя могутъ это подтвердить и которыя вмѣстѣ съ народомъ, какъ одинъ человѣкъ, по окончаніи пѣнія захлопали въ ладоши и кричали: „браво, хорошо,—это лучше граммофона“. Не смотря на то, что были открыты три вентилятора, однако сдѣлалось настолько

душно, что одна изъ лампъ погасла. Я попросилъ поскорѣ выставить тепловую раму и отворить створку, что было исполнено очень быстро.

То, что я ожидалъ послѣ вечера и даже черезъ продолжительное время, для меня неожиданно совершилось во время краткаго сего перерыва. Изъ толпы народа я услышалъ обращенныя ко мнѣ слова: „Батюшка, а какъ намъ стыдно стало: вѣдь насъ столько не собирается никогда въ церковь. Вотъ если бы насъ столько же собиралось въ церковь!“ На это я не преминулъ отвѣтить: „отъ слова къ дѣлу одинъ шагъ. Совѣсть заговорила, значить—исправление... Затѣмъ въ перемежку съ граммофономъ послѣдовало чтеніе и пѣніе. Читали исключительно одни ученики. Прочитаны были: анекдоты о Суворовѣ, стихотворенія: Полтавскій бой, Бородино, Лѣтомъ, Гроза, Рубка лѣса, Осень, Подвигъ Сусанина, Ласточка, Привѣтъ веснѣ, Несжатая полоса, Мать и дѣти, Крещенскій вечеръ, Дѣтство и др. Исполнили въ лицахъ: „Выѣздъ ямщика“ и „Два крестьянина и облако“. Насколько все это было исполнено живо и естественно, можно судить потому, что многіе просили: „батюшка, заставьте ихъ повторить еще!“ Вызваны и чтецы „Подвига Сусанина“ и „Москвы“,—это были дѣвочки. За исключеніемъ незначительныхъ промаховъ, чтеніе въ общемъ вышло довольно хорошее. За исключеніемъ четырехъ, у всѣхъ остальныхъ былъ замѣченъ общій недостатокъ: произношеніе многихъ словъ съ удареніемъ и разстановкою каждаго слога въ словѣ, нѣкоторые дѣлали не на мѣстѣ остановку (Полтавскій бой и Осень), а другіе не сдѣлали должнаго повышенія въ голосѣ (Несжатая полоса и Рубка лѣса). Пѣли: „Скажи мнѣ, вѣтка Палестины“, Спи младенецъ“, „Уточ-

ка луговая“, „Ой за гаемъ гаемъ“, „На горѣ то макъ“, „Зайнька во садочкѣ“ и „Звали бабушку въ пиръ пировать“. Всѣ пѣсни были спѣты очень хорошо. Въ заключеніе были показаны картины волшебнаго фонаря: человѣкъ за бортомъ, русалка, сигналъ, Кавказскій плѣнникъ и ночь подѣ Рождество Христово—съ краткимъ объясненіемъ картинъ. Много вызвали смѣха и удовольствія картины: вѣдьма, ворующая мѣсяцъ, кузнецъ, ѣдущій на бѣсѣ, и мужичекъ, разворачивающій рельсы. По окончаніи ученики вышли въ кухню, гдѣ на трехъ столахъ для нихъ былъ устроенъ чай. Здѣсь учительница раздала имъ кульки съ конфетами и орѣхами. Многіе изъ народа остались посмотреть на ихъ чаепитіе и веселый ихъ говоръ и всѣ остались довольны „выдумкой вечера“.

Мой дружескій сердечный совѣтъ тому, кто любитъ школьное дѣло: нѣтъ ничего лучше для успѣха школьнаго дѣла, какъ устраивать подобные вечера. Онъ недорогъ (8 руб. на 30 человѣкъ), но многополезенъ. Недостатки чтенія ученики старшаго и средняго отдѣленія въ разсужденіяхъ между собою отыскиваютъ сами, слабые стараются подражать искуснымъ въ чтеніи, младшіе усерднѣе берутся за чтеніе и непременно стремятся прочесть то, что имъ понравилось изъ слышаннаго. Послѣ сего вечера я думаю, что великій былъ бы успѣхъ въ школьномъ дѣлѣ, если бы подобные вечера устраивались два раза въ годъ: въ октябрѣ и январѣ.

Еще болѣе умѣстно устраивать ихъ въ заключеніе учебнаго года (въ маѣ), когда они могутъ быть соединены съ играми и прогулками на свѣжемъ благоуханномъ весеннемъ воздухѣ, оставляя въ душѣ дѣтей неизглаго- сильно и благотѣльное впечатлѣніе“.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Апрѣль.

Тяжкія, многоскорбныя времена переживаемъ мы, переживаемъ ихъ точно въ состояніи какого то ужаснаго кошмара, когда, испытывая чувство ужаса, какъ бы теряешь подъ собою точку опоры и въ сознаніи своего безсилія только цѣпенѣешь отъ страха. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не знакомо это невыносимое гнетущее чувство, порождаемое тревогами всего совершающагося?! Отцы страдаютъ за дѣтей, которые торопятся дать почувствовать обществу и родителямъ ихъ своеобразное пониманіе свободы... Педагоги задумываются надъ тѣмъ, что дѣлать имъ съ разволнчившимися не на шутку школярами... Банкиры бояться за свои финансы, комерсанты — за цѣлость своихъ предпріятій... И при этой общей тревогѣ часто видишь какую то обидную апатію, безволіе, пришибленность. Бодрствуютъ лишь тѣ, кто играетъ въ руку революціи, кто ждетъ — не дождется тризны надъ нашей гибнущей родиной. Всѣмъ, по крайней мѣрѣ, хорошо извѣстно, какъ дѣйствовали такъ называемые „кадеты“ во время выборовъ. Сколько интригъ, сколько денегъ разсорили они, чтобы провести своихъ кандидатовъ въ Государственную Думу! Сколько у нихъ нечистоплотной энергіи!

Между тѣмъ, какъ недѣятельны, унылы, подчасъ безмолвны, люди законности и порядка! А вѣдь всѣмъ хорошо извѣстно, что *только сила побѣждаетъ насиліе*. И вездѣ, гдѣ проявляется эта сила, тамъ падаетъ всякое наглое насиліе. Вотъ, для иллюстраціи, примѣръ. Недавно (29 марта) какіе то злодѣи напали на подмосковный Перервинскій монастырь въ надеждѣ проникнуть въ покои настоятеля, чтобы поживиться у него монастырскими сбереженіями. Съ обычными угрозами — стрѣлять изъ револьверовъ они принудили сторожа монастыря безмолвно вести ихъ къ келліи настоятеля. Сторожъ послушался, указалъ имъ желанную келлію. Но въ этой келліи злодѣи встрѣтили 75-лѣтняго келейника — челоѣка долга. И вотъ что произошло здѣсь.

Келейникъ о. архимандрита, кр. Рязанской губерніи, Скопинскаго уѣзда, Константинъ Яковлевъ, при видѣ злодѣевъ не растерялся; оставшихъ одинъ съ разбойниками, онъ спросилъ ихъ:

— Что вамъ угодно?

— Веди насъ къ архимандриту!

— Хорошо, сію минуту, пойдемте за мною — отвѣтилъ келейникъ.

Съ этими словами онъ повелъ разбойниковъ въ переднюю келлію о. архимандрита, а оттуда по узкой каменной лѣстницѣ всѣ спустились внизъ; келейникъ, затворивъ за собою дверь, и приперевъ ее своимъ плечемъ, сталъ стучать въ дверь кухни, гдѣ спали рабочіе, крича: „Братцы, отворитесь и идите сюда!“

Злодѣи поняли, что келейникъ ихъ обманулъ... Съ ругательствами стали они стрѣлять сквозь дверь въ беззащитнаго старика изъ револьверовъ. Семь пуль попало несчастному старику въ животъ, грудь, спину и ноги; онъ упалъ, дверь отворилась и одинъ изъ разбойниковъ кинжаломъ нанесъ ему глубокую рану въ правый бокъ, причемъ внутренности оказались порѣзанными. Истязаніе несчастнаго келейника продолжалось нѣсколько минутъ. Перекутанные повара выскочили чрезъ окна на улицу и скрылись.

Злодѣи, оставивъ келейника истекающимъ кровью, вышли изъ комнаты на дворъ, позабывъ на мѣстѣ преступленія котиковую шапку и 4 мѣшка изъ холста съ тесемками, приспособленные, очевидно, для укладки денегъ.

Скоро несчастный келейникъ былъ найденъ собравшимися на выстрѣлы братьями и рабочими въ лужѣ крови на погребѣи, куда онъ ползкомъ добрался изъ столовой, гдѣ надъ нимъ было произведено истязаніе. Въ крови на полу этой комнаты были найдены 7 пуль, выпущенныхъ разбойниками въ несчастнаго. Келейника немедленно перенесли въ одну изъ келлій, гдѣ прибывшимъ врачомъ ему было подано первоначальное пособіе.

Невинный страдалецъ былъ келейникомъ у о. архимандрита Викентія болѣе 25 лѣтъ и отличался необыкновеннымъ смиреніемъ, кротостью и послушаніемъ.

Вотъ истинное геройство! Вотъ рѣдкій примѣръ самоотверженнаго служенія и исполненія долга не только предъ своимъ о. архимандритомъ, но и передъ родиной. Да, и передъ родиной, потому что несомнѣнно и этотъ одинъ случай можетъ охладить пылъ любителей чужой собственности, ко-

торые такъ разгулялись за послѣднее время по лицу земли Русской.

Стоитъ вдуматься въ этотъ великій подвигъ любви, послушанія и смиренія. Имъ лучше всякихъ многословныхъ вѣщаній вскрыть тотъ путь, по которому слѣдуетъ идти всѣмъ православно-русскимъ людямъ—отцамъ и матерямъ, руководителямъ и наставникамъ дѣтей. Теперь время подвиговъ, время дѣятельной любви къ своей родинѣ, время отвѣтной энергіи на дерзость и наглость насильниковъ. И если мы хотимъ дѣйствительно блага своей родинѣ, то мы должны не только оберегать нашихъ дѣтей отъ пороковъ, но и внушать имъ чувство долга передъ обществомъ передъ родиной... Мы должны раздвинуть ихъ кругозоръ, показать имъ образецъ гражданской дѣятельности за порогомъ своей семьи и школы—въ той великой семьѣ, которая называется Русскимъ государствомъ.

Когда всё такъ перепуталось, когда сво-

бода стала пониматься въ смыслъ разнужданности, когда всюду замѣчается погрѣшеніе авторитетовъ, дѣтямъ необходимо какъ можно чаще говорить о Богѣ, о Его святой правдѣ, во имя которой не должно уходить только въ себя, но и противодействовать насилію всѣми силами и способами, которые укажетъ благоразуміе.

Прежде педагогика заботилась лишь о томъ, какъ уберечь дѣтей отъ пороковъ и соблазна. Теперь же, въ виду обстоятельствъ времени, надлежитъ воспитывать въ дѣтяхъ еще и гражданское мужество, которое такъ изсякло и которое, однако, такъ необходимо всѣмъ намъ. И въ немъ—въ немъ одномъ наше спасеніе! Въ немъ счастье и благо нашей бѣдной родины! Воспрянемъ-же, ободримся, выведемъ на общественное служеніе хотя малую рать борцовъ за родину. Она одна можетъ разсѣять и смять несмѣтные полчища отступниковъ отъ своей родины...

О подпискѣ въ 1906 году на

СООБЩЕНІЯ

Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ВЫПУСКАХЪ.

„Сообщенія ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества“—единственный въ Россіи журналъ, посвященный вопросамъ востоковѣднѣ въ обширномъ смыслѣ. Его задача—изученіе Востока Ближняго въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и на протяженіи всей многовѣковой его исторіи вплоть до нашего времени. Палестина, Сирія, Византія, Греція, Египетъ, Афонъ, Синай, Кипръ, Славянскія земли—вотъ страны и мѣстности, подлежащія изученію въ журналѣ, причемъ преимущественное вниманіе будетъ удѣляться Святой Землѣ, съ ея многочисленными святыми мѣстами. Церковная и гражданская исторія этихъ странъ и мѣстностей, археологія, литература, географія, топографія, современный бытъ въ самыхъ разнообразныхъ развитіяхъ, отдѣлахъ и вопросахъ—вотъ центральные пункты журнальной программы. Въ частности, въ журналѣ будутъ помѣщаться—ислѣдованія по различнымъ научнымъ вопросамъ, очерки дѣятельности восточныхъ іерарховъ, церковно-историческіе и иные матеріалы, описанія путешествій современныхъ и давнихъ, обзоры сношеній Востока съ Россіей и характеристики русскихъ дѣятелей, описаніе дѣятельности инославной пропаганды на Востокѣ, свѣдѣнія о положеніи здѣсь русскаго дѣла, вѣсти и корреспонденціи о современной церковнообщественной жизни на Востокѣ, обзоръ иностранной литературы и переводы лучшихъ иностранныхъ сочиненій по востоковѣднѣ, критика и библіографія русскихъ изданій, мелкія извѣстія и замѣтки, официальные отчеты и сообщенія ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества и т. д. Статьи будутъ носить частью научный, частью популярный характеръ. Нѣкоторые изъ нихъ будутъ иллюстрированы.

Цѣль изданія—служить духовному единенію между Православнымъ Востокомъ и Россіей путемъ научнаго изученія и объективнаго изслѣдованія прошлаго и настоящаго состоянія Востока, а равно ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать многіе профессора нашихъ духовныхъ академій и университетовъ. Дополнительное сотрудничество новыхъ, въ частности провинціальныхъ, культурныхъ силъ весьма желательно.

Въ 1905 г. въ журналѣ были напечатаны, между прочимъ, и слѣдующія статьи: *И. И. Соколова*—Современное управление Іерусалимской церкви и О современномъ управленіи Александрійской церкви, *И. Византійскаго*,—Антіохійскій патріархъ Меоодій (Краткій очеркъ его дѣятельности) и Особенности въ совершеніи литургіи на греческомъ Востокѣ, *Епископа Кириона*—Иверійцы, какъ пилигримы и основатели обителей въ святыхъ мѣстахъ Востока, *А. А. Дмитріевскаго*—Епископъ Порфирій Успенскій, какъ инициаторъ и организаторъ первой духовной миссіи въ Іерусалимѣ, и его заслуги въ пользу православія и въ дѣлѣ изученія христіанскаго Востока и Празднества въ Геосиманіи въ честь Успенія Богоматери, *Архимандрита Михаила*—„Стиль“ и „духъ“ русскихъ обителей на Афонѣ, Смыслъ паломничества и На пути къ Афону, *Архимандрита Ионы*—Восточная православная и англиканская церкви (Къ характеристикѣ современнаго направленія религиозно общественной мысли на православномъ Востокѣ), † *В. Н. и С. Д. Хитрово*—Голгоза и Распятіе (переводъ съ англійскаго), *В. Соловьева*—Монастырь св. Георгія въ Сиріи, *І. Святовостокова*—Вѣсти съ православнаго Востока.

Въ теченіе 1906 г. „Сообщенія ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества“ будутъ изданы въ четырехъ выпускахъ, до десяти печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Подписная цѣна на „Сообщенія“ въ 1906 году—три рубля съ пересылкою.

Подписка принимается исключительно въ Канцеляріи ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества: С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., д. № 36.

Рукописи, съ обозначеніемъ условій и четко переписанныя, посылаются въ редакцію: С.-Петербургъ, Невскій просп. д. № 170, кв. 50.

Редакторъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи *Ив. Ив. Сооловъ*.

Изъ редакціи Троицкихъ Листковъ

можно выписывать книгу
краткое

ИСТОРИЧЕСКОЕ СКАЗАНІЕ О ЧУДОТВОРНЫХЪ ИКОНАХЪ

Казанской, Седмозерной (Смоленской),
(Грузинск. Раифской и Муромосицкой).

Цѣна 15 коп. съ перес. 25 коп.

Адресъ: Сергіевъ пос. редакція Троицкихъ Листковъ.

Вышла новая брошюра

Д. Введенскаго.

„ЛЮБОВЬ— ВЕЛИКАЯ СИЛА“

(Памяти старца Варнавы съ портретомъ) п. 15 к. безъ перес. Выписывать можно изъ редакціи Божіей Нивы и изъ книжнаго магазина Ступина (въ Москвѣ, Никольская), а также отъ Тузова (Петербургъ, Гостинный дворъ).

СОДЕРЖАНІЕ: Безъ крыльевъ. *Д. Введенскаго*. — Значеніе организованнаго прихода въ школьномъ дѣлѣ. *Свящ. Н. Виноградова*. — Изъ учительскихъ дневниковъ. (Воспомянія учителя церковно-приходской школы). *Свящ. В. Востокова*. — Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. Е. Куликова*. — Привѣтъ. *Стихотв. Свящ. А. Державина*. — Посты и всходы. Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ. — Нашъ дневникъ. — Объявленія

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 41-я (четыре статьи).

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Апрѣля 15 дня,
1906 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной
Семинаріи, Протоіерей *А. Вгялевъ*.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

За перемѣну адреса 25 коп.

Подписная
цѣна на
журналъ 1 р.
съ перес.; вы-
ходить
ежемесячно.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ по-
садъ, Моск.
губ., въ Ре-
дакцію „Бо-
жіей Нивы“.